

Скерский К. В.

**Красная армия в освещении
современников белых и
иностранцев 1918-1924**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.3
ББК 84-4
К11

К11 **К. В. С.**
Красная армия в освещении современников белых и иностранцев 1918-1924 /
Скерский К. В. – М.: Книга по Требованию, 2025. – 178 с.

ISBN 978-5-519-73812-5

ISBN 978-5-519-73812-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемые вниманию читателя страницы представляют попытку дать историю первых семи лет существования Красной армии, отраженную в кривом зеркале белого восприятия.

Автор стремился подобрать все наиболее ценные отзывы о Красной армии, не преследуя какой-либо одной предвзятой тенденции: приведены мнения, как положительные, так и отрицательные, как объективные, так и тенденциозные или прямо инсинуирующие. Красной армии нет оснований испытывать огорчение или досаду, видя в этом кривом зеркале уродливо искаженное изображение, в некоторых отношениях даже отдаленно не напоминающее своего оригинала.

По человечеству нельзя требовать от представителей враждебно-классовой идеологии, даже в тех случаях, когда—допустим и такие возможности!—они стремились быть объективными и старались понять армию пролетарской революции, чтобы у них оказались все необходимые данные, а главное способности понять красных: мало—оторваться идеологически от всех предрассудков и рутины своей идеологии, необходим еще скачек в своем роде из царства необходимости в царство свободы, а это не всякому бывает по силам! .

Однако, мы совершили бы несомненную несправедливость, если бы приписали такие тенденции авторам использованных в нашей работе источников. Для них характерным и типичным является нечто совсем другое: достоинства и положительные стороны Красной армии не замечаются или намеренно замалчиваются, как будто их вовсе не существует; недостатки армейского организма, отрицательные явления в строительстве красной вооруженной силы гиперболически, до невероятных размеров преувеличиваются и раздуваются.

Более того. Эта странная аберрация зрения, этот своеобразный дальтонизм доходит до того, что белые авторы, как наши, так и иностранные, рисуют себе, в результате классового самогипноза, образ Красной армии таким, каким им внутренне хотелось бы видеть этот символ пролетарской государственности, наделяя ее всеми, желательными им, недостатками. Армейский работник, сроднившийся с армией революции, хорошо знающий ее действительные недостатки и полюбивший ее достоинства, без труда заметит эти, созданные игрою пылкого воображения белых, „дефекты“ и, естественно, делает соответствующие практические выводы: чего, чего, а развития вот этих качеств допускать не следует. Таким образом, писания белых против их, конечно, воли и желания приобретают для нас несомненную полезность, пренебрегать которой едва ли следует.

В „Списке источников“ на русском языке приведены все материалы, над которыми пришлось работать, независимо от того, было ли их содержание—прямо или косвенно—использовано для работы или нет; из французских, английских, немецких и польских источников упомянуты лишь те, кои были непосредственно использованы.

Автор обязан глубокой признательностью администрации „Архива Октябрьской революции“ за неизменно внимательное отношение во время работ в архиве, а также В. И. Николаеву и Б. В. Петрусевич, любезно согласившимся оказать свое содействие переводами с польского.

Декабрь—1925 г.

Москва.

ВВЕДЕНИЕ.

„Новый предводитель красных разбойников“... Под таким, помню, заглавием попалась мне на глаза осенью 1919 г. в штабе туркестанского фронта коротенькая заметка в лежавшей на столе газете—органе главного командования вооруженными силами Юга России. В приличествующих белым выражениях и тоне, в ней сообщалось о назначении главнокомандующим всеми вооруженными силами республики „полковника“ С. С. Каменева.

Да. Нас белые считали разбойниками. Недалеко-видные кормчие старой России, на плечах которых так недавно держалось все бремя власти и „ответственность“ за „судьбы“ государства, они вдруг совершенно неожиданно и даже незаметно для себя девятым валом революции оказались смытыми за борт того самого государственного корабля, рулем которого они все еще пытались управлять.

Недавние „творцы“ русской действительности в государственной, политической, промышленной и др. областях, привыкшие единственно себя считать за таковых на протяжении более чем двух столетий, психологически не могли, да и не хотели примириться с мыслью, что какие-то новые, враждебные им силы свели на-нет их роль и бывшее влияние на судьбы государства. И в злобе своей они на новую восходящую силу смотрели, как на разбойничью шайку.

В пестром калейдоскопе быстро сменявшихся событий они проглядели, когда именно и каким образом „взбунтовавшиеся рабы“ перестали быть рабами, в грозе и буре стихийной социальной революции начали закладывать основы новой государственности и приступили к „собиранию земли русской“. И естественно, что они совершенно искренно считали Красную армию сборищем

разбойников, „бродяг и каторжников, в конец разоривших святую Русь“¹⁾).

Свысока презрительное, пренебрежительное, лишенное вдумчивости отношение к восставшим рабочим и крестьянам, организованным в отряды красной гвардии и Красной армии, являлось характерной особенностью большинства представителей отечественной контр-революции даже из числа наиболее выдающихся, как в начальном периоде гражданской войны, так и в эпоху, скажем, операций в северной Таврии против ген. Врангеля.

„Состав Красной армии—читаем мы в официальных источниках белых—мобилизованные крестьяне и рабочие центральных губерний, голодом и безработицей принужденные нести свою службу, а, кроме того, другие элементы, составляющие довольно большой процент“.

Что же это за элементы, наличие которых считали необходимым отметить?

Это, прежде всего,—„вооруженные коммунисты, не принимающие участия в сражениях. Их дело—наблюдение в тылу за политическим настроением частей... сыск, донос и применение карательных мер в случае успехов на фронте и мобилизации.“

Во-вторых, солдаты, возвращавшиеся с фронта и до настоящего времени не могущие вернуться домой в глубь России и в Сибирь. Они служили и у добровольцев, и у Махно, и у большевиков, и опять у добровольцев,—вообще у всех, кто их мобилизовал.

В-третьих, „проходящие товарищи“; эти последние не служат в армии, постоянно находясь на местах... При взятии населенных пунктов они принимают деятельное участие в грабежах, а затем рассеиваются по деревням, покидая советские войска... Тыла у советской армии в буквальном смысле не существует, как не существует и снабжения армии... Такой состав Красной армии и способы ведения ею войны, естественно, вызывают ненависть и озлобление населения к советским войскам... Голод и нищета—постоянные спутники Красной армии... Все сельское хозяй-

¹⁾ Воззвание ген. Врангеля „Возрождение русской армии“. Составлено по официальным данным. Издание бюро печати в Константинополе. 1920 г. Стр. 13.

ство южно-русских губерний окончательно разорено грабежами Красной армии“¹⁾).

От всей картины в целом веет удивительным убожеством мысли и бедностью не только социологических, но даже и прямо военных представлений. Монархисты времен французской революции оставили потомству несравненно более яркие и глубокие характеристики армий Конвента, из коих для сравнения мы приведем всего лишь одну, на фоне которой традиционная близорукость и верхоглядство эпигонов старого порядка в России выступает с особенной четкостью.

„Огромные массы илотов,—писал Малэ-дю-Пан,—т. е. бедняков и рабочих, были призваны к равенству и господству; честолюбцы наобещали этой толпе власть и богатство; три года побед придали им смелости... Эта толпа захватила в свои руки суверенитет и власть, землю и правительство, всякого рода ресурсы и сокровища, судьбу людей, распределение благ; все это вот уже год, как принадлежит пассивным гражданам“²⁾).

„Всеобщее вооружение этих энтузиастов или людей, лишенных собственности, является средством закрепления добытых завоеваний. Франция—огромная казарма; все революционеры превратились в солдат или обязаны идти в войска добровольно или по принуждению, движимые интересом их собственного благополучия“.

„Всеобщий призыв жителей страны, благодаря фанатизму и нужде которых дело каждого отдельного человека слилось с делом республики, создал более могущественные ресурсы для обороны и нападения, чем какие имелись у регулярных армий, увезенных за 2—3 сотни лье от родных мест, сопровождаемых огромными обозами с поклажей, для которых крупные неудачи были бы почти непоправимы; их начальники ничего не могут предоставить на волю случая или обстоятельств, которые заранее не были предусмотрены в их инструкциях“...

„Помимо средств, которыми располагают все правительства, т. е. помимо пушек, солдат, денег, к услугам Конвента... вся сила общественного мнения, вся энергия и энтузиазм, все обаяние устной и письменной пропа-

¹⁾ „Возрождение русской армии“, стр. 30—31.

²⁾ Пассивными гражданами назывались бедняки, лишенные избирательных прав.

ганды, все страсти, которые имеют больше всего власти над людьми: стремление к властвованию и отвращение к подчинению, интерес и тщеславие, любовь к мести и страх“...

Так судили защитники феодального режима, уступившие свои позиции победоносной армии буржуазной революции. Прошли столетия... но в суждениях сторонников буржуазной контр-революции нет глубины мысли и ясности представлений французских феодалов.

В начале гражданской войны в особенности они судили по внешним признакам и убежденно верили, что „советские банды“ зарекомендовали себя весьма плохими „сражателями“ ¹⁾.

Еще лучше подтверждает сделанную нами оценку следующая небольшая выдержка из книги некоего присяжного поверенного Н. Н. Иванова ²⁾, бывшего члена северо-западного правительства, военным министром в котором был ген. Юденич.

„Весьма любопытна была психология русского война, вчера красного, сегодня белого, назавтра нередко опять красного, потом вновь белого. Некоторые переходили, как гуляли, — словно у большевиков была одна деревня, у нас другая. Посмотрит здесь, уйдет туда и снова вернется“...

Или следующие строки ³⁾:

„Я близко видел гражданскую войну и мое заключение: народ наш в массе не принял гражданской войны ни от красных, ни от белых и участвовал в ней весьма нехотя. Это как то всегда забывается“.

Тогда, однако, белые повидимому это твердо „помнили“ и из этого обстоятельства делали соответствующие выводы.

Правда, скоро началось протрезвление, но оно наступило не сразу, и это состояние легкого опьянения предстоящими успехами и несомненной победой было легко испытывать, успокоившись на пуховой перине удачно созданной легенды о большевиках, как о гер-

¹⁾ Генер. штаба полк. Добрынин. „Борьба с большевизмом на юге России. Участие в борьбе донского казачества. Февраль 1917 г.—март. 1920 г.“ Прага 1921 г. Стр. 40.

²⁾ Н. Н. Иванова. „О событиях под Петроградом в 1919 г.“ Записки: „Архив гражданской войны“. Выпуск I. Изд-во «Русское творчество». Берлин (год не указан) Стр. 85—86.

манских агентах, и о красной гвардии или Красной армии, как орудии планов германского генерального штаба.

Временное разорение России при таких условиях было, по мнению белых, конечно, неизбежно, потому что именно эту задачу преследовал германский генеральный штаб, но так и не успел осуществить за время империалистской войны; завершение ее досталось Красной армии.

Ведь „большевизм и германизм тесно переплетены между собой“,—уверял в январе 1918 года ген. М. В. Алексеев членов донского правительства, желая рассеять их предубеждение против идеи добровольчества. „Борясь с большевиками, добровольческая армия вместе с тем продолжает войну и с немцами“¹⁾. А раз так, победа над большевиками маячила где-то совсем близко, может быть даже до,—а во всяком случае очень скоро после того, как „верные союзники“ поставят на колени Германию и получат свободу действий, чтобы навести порядки в Смольном.

„Навыи чары“ этой легенды ныне, кажется, рассеялись совершенно. О ней не говорят и не пишут; и если мы считаем уместным здесь на этом остановиться, то, конечно, отнюдь не за тем, чтобы в чем-либо разубедить ген. А. И. Деникина, который до сих пор сохраняет „лично интуитивное глубокое убеждение в предательстве советских комиссаров“²⁾.

Такая „интуиция“ интересна просто, как любопытный человеческий документ—не больше.

Эта грандиозная политическая провокация привлекает еще сейчас наше внимание потому, что, если раньше „широкие круги русской общественности“ склонны были рассматривать ее, как результат специфически русских настроений, продукт отечественного, так сказать, производства,—то теперь мы имеем данные утверждать, что это была определенная, широко задуманная и хорошо тогда проведенная политическая кампания международного характера, с помощью которой международная буржуазия пыталась задушить первые вспышки пролетарской революции.

¹⁾ „Донская Волна“ 1918 г. № 13.

²⁾ Ген. А. И. Деникин. „Очерки русской смуты“. Т. III стр. 9.

И не русская, разумеется, буржуазия играла в этом концерте первую скрипку; партию вела самая умная и дальновидная, самая расчетливая и ловкая представительница враждебного нам класса—буржуазия англо-саксонская.

Но, конечно, и для русской буржуазии эта идея—выносить за одну скобку большевиков и немцев, казалась особенно благодарной и, в качестве орудия военно-политической борьбы и пропаганды, не раз играла роль крупного козыря.

Впервые ею козырнул ген. Корнилов, при чем этот в полном смысле политический недоросль сразу довел ее до геркулесовых столбов нелепости и абсурда.

„Временное правительство, под давлением большевистского большинства советов, действует в полном согласии с планами германского генерального штаба, убивает армию и потрясает страну внутри“¹⁾,—писал он в своем, мало кому известном, приказе. Здесь за одну скобку попали не только большевики, но уже и временное правительство, столь послушно относившееся к антанте.

Выяснению вопроса о том, в какой мере армия революции была на службе германского генерального штаба уделяет в своей книге не мало внимания „член омского правительства“, Г. К. Гинс. По наивности, а может быть и глупости — его „впечатления и мысли“, составляющие два внушительных тома, дают все основания для последнего предположения,—он простодушно рассказывает вещи, которых не найти у других белогвардейцев.

Оказывается, видите ли, что между Лениным, Троцким и германским генеральным штабом существовало специальное соглашение. Но пусть лучше говорит сам Гинс:

„В 1918 г. американское правительственное бюро печати опубликовало сенсационные разоблачения. Все, что раньше передавалось как слух, стало обосновано документально. В Смольном действительно были немецкие офицеры“.

¹⁾ Приказ ген. Корнилова от 27 августа 1917 г. Цитирую по „Истории второй русской революции“ П. Н. Милюкова, т. I вып. II Корнилов или Ленин. Стр. 241. Российско-болгарское книгоиздательство. София. 1922 г.

„Соглашение о совместных работах начинается следующими словами: „Согласно договору, заключенному в Кронштадте 6 июля месяца сего года (1917) между представителями нашего генерального штаба и руководителями русской революционной армии и демократии: Лениным, Троцким, Раскольниковым и Дыбенко, отделение нашего генерального штаба, оперирующее в Финляндии, назначает в Петроград офицеров, которые будут состоять в распоряжении осведомительного отдела штаба“.

Из „соглашения“—повествует Г. К. Гинс—проистекло все остальное: „перевод денег большевикам, выдача немецким офицерам в России подложных паспортов для поездки в Англию и Францию, убийство русских патриотов, уничтожение польских легионов и т. д.“¹⁾.

„Под впечатлением всех этих разоблачений, американское бюро печати сделало вывод, который многими уже забыт:

„Всех, находящихся в руках правительства Соединенных Штатов. доказательств совершенно достаточно, чтобы уничтожить в уме каждого человека последний остаток веры в искренность большевистских вождей“²⁾.

У обоих англо-саксонских держав по этому вопросу существовало трогательное единомыслие. Оно проявлялось не только в прессе,—нет, одним и тем же языком говорили и официальные британские представители: кампания, повторяем, была планомерной и хорошо организованной.

Как известно, верховное управление северной области под председательством Н. В. Чайковского образовалось в Архангельске утром 2 августа 1918 г. А уж 11 августа не безызвестный генерал Ф. С. Пуль, главнокомандующий всеми союзными силами в России, опубликовал ниже следующее воззвание „к русским людям“. Вот что он в нем писал.

„Русские люди. Немцы и большевики говорят вам, что мы—англичане, французы и американцы—вступили

¹⁾ Г. К. Гинс. „Сибирь, союзники и Колчак, 1918—1920 г.“ Изд. О-ва Возрождения России. Пекин. 1921 г. том, I, стр. 20—21.

²⁾ Эти „разоблачения“ на русском яз. были напечатаны во Владивостоке, в типографии приморской областной земской управы в 1918 г.

на русскую землю, чтобы отнять ее у вас и отобрать ваш хлеб. Это ложь. Знайте, что мы не хотим ни пяди вашей земли и ни фунта вашего хлеба. Мы идем к вам, как друзья и союзники для борьбы за общее дело и для защиты общих с вами интересов. Мы идем спасти русскую землю и русский хлеб от немцев и их наемников—большевиков.

Во Франции немцы уже бегут перед нашими войсками. Их ставленники в России—большевики—не выдерживают ни малейшего организованного натиска и бегут с награбленным добром¹⁾.

Генералу Пулю, на берегах Финского залива, вторил „начальник всех союзных военных миссий в Финляндии и Прибалтийских Штатах“ с той только разницей, что ген. Гоф писал грубее и откровеннее:

„Германия взлелеяла большевиков за счет человечества, и ее руки обгажены кровью русских. Многие русские командиры до такой степени тупоумны или коротки памятью, что уже открыто говорят о необходимости обратиться к немцам за помощью против воли союзных держав.

Скажите этим дуракам, чтобы они прочли бы мирный договор. Все, что Германия имеет, уже ею потеряно. Где находятся ее корабли для перевозки припасов, где находится ее подвижной состав“²⁾.

Сторонники той мысли, что вожди пролетарской революции в России, вожди коммунистической партии, в начале революции были ни чем иным, как обыкновенными агентами германского генерального штаба никогда не нуждались в доказательствах; по их мнению, таковых было более, чем достаточно. Одним из наиболее часто применявшихся был, конечно, брестский

¹⁾ „Вестник верховного управления северной области“. Архангельск. № 2 от 11 августа 1918 г.

²⁾ Перевод английского официального письма от 4 августа 1919 г., начальника всех союзных военных миссий в Финляндии и Прибалтийских Штатах, генерал-лейтенанта Гоф к генералу Юденичу, сделанный в штабе ген. Гоф и за личной его подписью, приложенный к подлиннику на английском языке. По своей совершенно исключительной, кабацкой грубости документ этот во всей белой литературе является единственным. Но, к удивлению, Родзянко приводит его без особого стыда и возмущения, как будто так и надо было.

— А. П. Родзянко. „Воспоминания о севере-западной армии“ стр. 163.